

Поэтому Ши Цяню приходилось с опаской относиться к той истории с амнезией в Долине Погребённых Мечей, о которой Чэнь Ци рассказал ему с такой пугающей деталью. Ему совсем не улыбалось обнаружить в собственной памяти зияющую пустоту.

Но так или иначе, по сравнению с царившим снаружи мертвенным безмолвием, этот омут оставался для Ши Цяня единственным выбором. Следуя за зовом, он поплыл ко дну.

Вода становилась всё холоднее. Ши Цянь от природы обладал духовным корнем ледяной стихии, и под воздействием озерной воды циркуляция его истинной ци заметно ускорилась. Его уровень культивации, лишь недавно достигший ранней ступени Формирования Ядра и ещё не успевший закрепиться, в такой обстановке укрепился ещё на несколько пунктов.

В воде уже не оставалось ни лучика света, а прежде попадавшиеся повсюду рытвины и рыбы постепенно исчезли. Хотя температура воды падала всё ниже и ниже, она странным образом не замерзала, и даже врождённая ледяная конституция Ши Цяня заставляла его чувствовать, как коченеют руки и ноги.

В голове Ши Цяня непрерывно звучал всё более отчётливый зов. В этом голосе чувствовалось нечто первозданное и величественное: он казался совершенно отчётливым, но прислушавшись внимательнее, разобрать слова было абсолютно невозможно.

Следуя зову, Ши Цянь добрался до водоворота и, убедившись в отсутствии опасности, позволил втянуть себя потоку.

— Кхе-кхе. — После приступа головокружения Ши Цянь захлебнулся водой и вынырнул на поверхность. Одежда насквозь промокла и липла к худощавому телу юноши. Его тонкие, побледневшие от холода губы были плотно сжаты. Капли воды, стекавшие с кончиков волос, скатывались по белой, изящной ключице и исчезали где-то в глубине груди, оставляя едва заметные влажные дорожки. Это зрелище, само по себе способное придать серьезной обстановке неожиданно чувственный оттенок, к сожалению, осталось никем не замеченным.

Ши Цянь нахмурился и с явной брезгливостью запахнул промокшую одежду. В тот же миг внутри него заструилась духовная сила, и уже через секунду на его теле не осталось ни следа влаги.

Если бы любой другой культиватор стал свидетелем этой картины, он наверняка вскрикнул бы от изумления. Ши Цянь обладал ледяным корнем духовности и практиковал соответствующую технику культивации. Его истинная ци была ледяной, а значит, и духовная сила по своей природе должна была оставаться такой же. Согласно устоявшимся в мире культивации представлениям, он мог бы в лучшем случае превратить воду на своей одежде в лед, но никак не испарить её. То, что сейчас проделал Ши Цянь, явно шло вразрез с традициями, сложившимися в мире совершенствования за последние десять тысяч лет.

Еще в тот момент, когда он только выбрался из воды, Ши Цянь на бегу осмотрел окружающую обстановку и понял, что находится в пещере, которая с первого взгляда казалась совершенно

естественной. Но теперь, присмотревшись внимательнее, он осознал, что между тем, что выглядит природным, и тем, что на самом деле создано самой природой, существует огромная разница. Неизвестно откуда пробивающийся свет делал пещеру хоть и мрачноватой, но не мешал обзору. Сама пещера имела форму полукруга, а её каменные стены словно были рассечены надвое ударом острого меча: хотя всё выглядело естественным образованием, скрыть оставленную острием клинка пронзительную резкость было невозможно. У входа в пещеру находился тот самый водоём, из которого только что выбрался Ши Цянь. Сейчас вода в нём успокоилась, лишь слегка покрытая рябью от течения. Ши Цянь стоял в пустой средней части пещеры. Пол здесь был ровным, стояли даже простые каменные стол и стулья — очевидно, когда-то здесь кто-то отдыхал. Немного впереди возвышалась каменная стела, и с того места, где стоял Ши Цянь, было видно, что за ней скрывается огромная глубокая яма.

Подойдя ближе, Ши Цянь обнаружил, что высеченные на стеле иероглифы — это не привычный для мира бессмертных древний чжуань, и не обычный письменный шрифт, а некий старинный и изысканный почернок.

— Могильник мечей. — Тихо произнес в слух два слова, выбитые на стеле, Ши Цянь приподнял бровь. Этот шрифт назывался ханьюаньским позолоченным письмом и, как гласили легенды, был передан древними бессмертными, но со временем оказался утерян в череде войн мира бессмертных. Сам же он узнал эти иероглифы совершенно случайно.

Зовущий голос, который безостановочно звучал в голове Ши Цяня, в тот самый момент, когда он произнёс эти два слова, внезапно исчез, словно его никогда и не было.

Оторвав взгляд от каменной стелы, Ши Цянь перевёл его на огромную яму позади неё. Пустая глубокая яма была покрыта тёмно-чёрной землей и походила на огромную пасть, готовую в любой момент проглотить человека.

Разве в могильнике мечей нет мечей?

Стоило ему только подумать об этом, как Ши Цянь внезапно что-то почувствовал и резко отскочил в сторону. На том самом месте, где он только что стоял, вонзился длинный меч. Он всё ещё гудел, пытаясь взмыться вверх, но словно бы сдерживаемый кем-то, не мог пошевелиться.

В то же время из глубокой ямы, пробивая почву, вылетело ещё больше летящих мечей и с бешеным свистом устремилось на Ши Цяня.

Ши Цянь ничуть не удивился этому стремительному напору летящих мечей — именно так, по его мнению, и должен был выглядеть настоящий могильник мечей. Сжимая меч с возрастающим интересом, он приготовился к бою.

Но в тот самый миг, когда Ши Цянь поднял клинок, летящие мечи словно испугались: их лезвия задрожали, и они замерли в десятке метров от Ши Цяня, дрожа от страха и не смея сделать ни шагу вперед, лишь слегка гудя в знак повиновения. Ши Цянь полуприкрыл глаза,

его лицо оставалось спокойным. Чжунюнь, заключенный в его даньтяне, все еще спал, поэтому не могло быть и речи о том, что это его аура заставила остальные мечи склониться. Взглянув на неприметный серебристый летучий меч в руке, он слегка изогнул губы в улыбке. Судя по его наблюдениям, самые сильные мечи здесь уже достигли уровня среднего бессмертного оружия, а самые слабые — как минимум высшего духовного оружия. Похоже, этот клинок, подаренный ему учителем, куда ценнее, чем он полагал.

Пока он пребывал в глубоких раздумьях, тот самый зов, затихший было на долгое время, раздался вновь, причем с еще большей силой.

Разум подсказывал Ши Цяню, что сейчас лучше не поддаваться импульсам, но этот нетерпеливый зов словно пытался разорвать его сознание на части. Ощущение было таким, будто кто-то непрерывно и яростно бил молотом по его голове.

В конечном итоге Ши Цянь решил последовать за этим зовом: в конце концов, просто сидеть и ждать здесь бессмысленно — так ему точно не выбраться.

Он спрыгнул в глубокую яму и лишь тогда обнаружил, что то, что он поначалу принял за черный ил, на самом деле состояло из мельчайшего черного песка. По едва уловимому запаху Ши Цянь легко распознал в нем залежи черного железа — редчайшей черной стали, которая давно исчезла из внешнего мира. Говорили, что этот материал необходим для создания высших бессмертных мечей; он обладал невероятной твердостью, которую не под силу было разрушить даже мечам среднего ранга, но здесь он лежал, превращенный в песок. Сердце Ши Цяня сжалось от серьезности происходящего: что бы здесь ни скрывалось, это явно не было пустяком.

Медленно пройдя к центру, Ши Цянь заметил, что слой черного песка здесь гораздо толще, чем по краям.

Не успел он присмотреться, как летучий меч, мирно покоившийся у него в руке, внезапно вырвался, превратился в серебристый луч и стремительно устремился в самый центр песков.

Меч с силой вонзился в черную массу, издавая радостный гул. Ослепительная вспышка серебристого света, сопровождаемая неистовой ци меча, хлынула во все стороны, мгновенно осветив всю пещеру.

Застигнутый врасплох, Ши Цянь почувствовал, будто его ударили прямо в грудь. В горле стало сладко от подступившей крови, и он со стоном выплюнул алую струю. Но тут же по его телу разлилась легкость: это возникшее из ниоткуда лазурное сияние полностью заблокировало разрушительную мощь ци меча.

Не успев разобраться в происходящем, Ши Цянь сосредоточил взгляд на мече, который, полностью утихомирив свою ауру, послушно вернулся к нему. Хотя внешне меч больше не казался опасным, врожденная осторожность не позволила Ши Цяню сразу схватиться за рукоять — он лишь внимательно изучал его. Вскоре он заметил изменения: если раньше этот

меч казался безжизненным предметом, то теперь в него словно вдохнули жизнь, а от клинка исходила знакомая Ши Цяню бессмертная духовная энергия.

Пока Ши Цянь наблюдал, меч внезапно метнулся вперед, прижался рукоятью к его ладони, и одновременно с этим поток серебристого света ворвался прямо в межбровье юноши.

Ши Цянь почувствовал, будто его правая рука что-то сжала, и тут же в голове взорвалась острая, невыносимая боль. Он не удержался на ногах, глухо вскрикнул и рухнул на колени, воткнув меч в черный песок. Его лицо стало мертвенно-бледным, нижняя губа была прокушена до крови, которая капля за каплей стекала на рукоять и, казалось, тут же впитывалась в металл.

Напившись крови, лезвие меча стало выглядеть еще прекраснее — на некогда чистом металле начали проступать изящные узоры.

Огромный поток информации, сопровождаемый нестерпимой болью, хлынул в сознание. Это был не первый опыт передачи памяти, но предыдущие попытки не шли ни в какое сравнение с тем, что он испытывал сейчас. По крайней мере, раньше он не был близок к тому, чтобы предпочесть смерть таким мучениям. Если бы он судорожно не сжимал рукоять, то, вероятно, уже катался бы по земле, потеряв всякий человеческий облик.

Сознание стремительно угадывало. Алая кровь текла из глаз, носа и ушей, а когда-то красивое лицо исказилось от нечеловеческой боли; на лбу вздулись вены, а кожа приобрела синюшно-серый оттенок.

Ши Цянь боялся дышать или пошевелиться — он знал, что стоит ему ослабнуть, как он упадет и больше никогда не сможет подняться. На мгновение ему захотелось просто потерять сознание — хотя бы тогда боль отступила. Но крупницы разума твердили: именно это наследование — ключ к той самой потере памяти, которая случалась с другими, выбравшимися отсюда.

И Ши Цянь не ошибся. Каждый, кто доходил до этого места, был обязан пройти через это испытание. Мечи различались, но исход был один. Принимающий наследие терял сознание, и даже если он не справлялся, массив Долины Погребенных Мечей стирал из его памяти всё, что произошло внутри, после чего выбрасывал наружу.

Можно сказать, что за всю историю лишь единицы смогли успешно пройти наследование в Долине Погребенных Мечей и сохранить свои воспоминания. За последнюю тысячу лет это удалось только Цзин Су. Меч, который сейчас был в руках у Ши Цяня, принадлежал ему, но так как Цзин Су никогда не распространялся об этом, даже глава секты Чэнь Ци оставался в неведении.

Сознание Ши Цяня почти угасло, но боль становилась лишь острее. Теперь он держался только на силе воли, а веки казались тяжелее свинца. Неизвестно, сколько времени прошло, но боль наконец начала отступать. Чухань — когда имя этого меча всплыло в сознании Ши Цяня, он

понял, что наследование прошло успешно. Нервы расслабились, и он провалился в забытие. Однако из-за этого он не заметил, как вокруг него зашевелились остальные летающие мечи. Они вернулись в Захоронение мечей, окружили Ши Цяня плотным кольцом и принялись гудеть, наперебой пытаясь приблизиться к нему.

Несмотря на то, что серебряный длинный меч, переживший тяжкое истощение после передачи наследия, испускал вокруг себя мощное давление, это не могло отпугнуть древние мечи, которые томились в ожидании тысячи лет. У каждого меча в Долине погребенных мечей имелось собственное сознание. Хотя, будучи духами оружия, они обладали лишь слабыми эмоциями, за тысячелетия ожидания они все же познали, что такое одиночество. Будучи божественными мечами, они, естественно, имели свою гордость и не могли допустить ситуации, когда меч захватывает хозяина силой.

Но случай Ши Цяня был иным: в его теле уже находился один божественный меч, а теперь его признал Чухань. Взаимное сдерживание двух артефактов привело остальные мечи к недопониманию.

Видя, что летающие мечи готовы одарить Ши Цяня вторым, а то и третьим наследованием, то самое синее сияние, что было погасло, возникло вновь. Оно сформировало барьер, надежно укрыв Ши Цяня и полностью отсекая потоки энергии наследия от других мечей.

Вскоре вспыхнул свет телепортационного массива, и фигура Ши Цяня исчезла из Захоронения мечей.

Летающим мечам оставалось лишь с досадой погрузиться обратно в черный песок, ожидая следующего претендента на наследие.

Когда к Ши Цяню вернулось сознание, мысли его были спутаны, он не сразу понял, где находится, но по ощущениям под телом стало ясно, что это уже не Захоронение мечей.

— Младший брат, ты очнулся. — Спокойный, как всегда, до невероятности голос прозвучал прямо над ухом, окончательно приводя Ши Цяня в чувство.

— Кхе-кхе, старший брат. — Голос Ши Цяня пересох. Он сел, растирая ноющую от головокружения голову, взял чашку, которую протянул Дуань Юй, и сделал глоток воды, чтобы смочить горло. — Это ты принес меня обратно?

— Наставник принес тебя на руках.

— Кхе-кхе-кхе... — Услышав этот глагол из уст Дуань Юя, Ши Цянь не успел проглотить воду и выплеснул её на одеяло, оставив странное мокрое пятно. Немного воды попало в дыхательные пути, и он начал давиться самым нелепым образом. Как он не мог представить себя, несущего кого-то на руках, так же он не мог представить, что его самого несет Цзин Су. В сравнении с этим Ши Цянь предпочел бы, чтобы Дуань Юй заменил слово «принес на руках» на любое

другое: хоть «приволок», хоть «притащил» — любой вариант казался ему естественнее.

— Как долго я был в Долине погребенных мечей? — Наконец отдышавшись и приведя мысли в порядок, спросил Ши Цянь.

— Три дня. После возвращения ты проспал еще сутки. — Дуань Юй с заботой высушил пятно на одеяле с помощью духовной силы. — Наставник сказал, что ты должен прийти на пик Тяньлин, как только очнешься.

Услышав про три дня и осознав, что это Цзин Су принес его обратно — хотя он старательно игнорировал способ, которым это было сделано, — Ши Цянь мельком подумал о кое-чем, но поспешно отбросил эту мысль, не успев даже додумать её до конца.

После Закладывания Основы культиваторы могут летать на мечях. Теперь, когда уровень культивации Ши Цяня закрепился на Ранней ступени Формирования Ядра, добраться до пика Тяньлин не составляло труда.

Поскольку его дантянь уже был занят мечом Чжунюнь, новообращенный Чухань не стал оспаривать территорию, а превратился в изящный серебряный узор на правой руке Ши Цяня. Из-за светлого оттенка и фарфорово-белой кожи Ши Цяня рисунок был едва заметен, если не приглядываться, и сам Ши Цянь остался этим вполне доволен.

Встав на меч Чухань, Ши Цянь медленно полетел к пику Тяньлин, попутно разбираясь в полученных знаниях наследия.

Наследие состояло в основном из древних методов культивации, давно забытых техник формирования массивов и бесчисленных техник владения мечом. К еще большему удивлению Ши Цяня, среди массивов он обнаружил один, который, по слухам, был способен искажать время и пространство. Reply with only the corrected sentence. Значит ли это, что он сможет перемещаться сквозь время и вернуться в свой родной мир? Хотя в том мире его особо ничего не держало, там остались старые счета, которые он не успел свести до того, как переместился сюда. А учитывая, что Ши Цянь обладал отличной памятью, особенно на обиды, упускать такой шанс он был не намерен.

Впрочем, действовать нужно было осмотрительно. Для активации этого массива требовались две вещи: целый меч Чжунюнь, что мирно покоился в его дантяне, и высший бессмертный духовный камень. А такие камни вовсе не принадлежали миру культиваторов, так что сначала ему нужно было самому стать бессмертным.

Раз нельзя отомстить старым врагам сейчас, это не значит, что нельзя расправиться с врагом нынешним. Вспомнив о главном герое, который вскоре должен был вступить в Секту Тяньлин, Ши Цянь впервые за долгое время искренне улыбнулся.

Пик Тяньлин по-прежнему был окутан атмосферой умиротворения, однако весть о грядущем

через три месяца отборе новых учеников и скором притоке свежей крови заметно оживила обстановку. Ши Цянь в этот момент был облачен в длинные белые одежды, что выделялось среди снующих туда-сюда внутренних учеников в одеждах цвета циан. К тому же лицо его было незнакомым, а внешность — редкой даже для мира бессмертных красоты, что неизбежно привлекало к нему немало внимания. Сам Ши Цянь нисколько не обращал на это внимания: в какой бы из жизней он ни находился, он никогда не был человеком, на чье поведение могли повлиять чужие взгляды.

Однако, судя по всему, хотя он сам и не любил искать неприятностей, всегда находились те, кому не терпелось нажать их на пустом месте.

— Эй!

Позади Ши Цяня раздался звонкий девичий голос. В голосе юной девушки еще слышались детские нотки, делавшие его чистым и приятным, но высокомерный и взбалмошный тон напрочь испортил всё впечатление от ее прекрасного голоса.

Словно не расслышав, Ши Цянь даже не замедлил шаг и продолжил идти вперед.

— Ты в белом, я к тебе обращаюсь!

Похоже, будучи крайне недовольна тем, что ее проигнорировали, девушка в длинном платье цвета гусиного желтка стремительно преградила Ши Цяню путь. Ее прекрасные глаза сердито смотрели на него, вишневые губки чуть надулись, а красивое личико выражало крайнюю обиду — одновременно жалея и забавляя.

— Ты ко мне?

Хотя на сердце у него ледяной коркой застыл холод, уголки губ Ши Цяня тронула теплая улыбка, а в глубине глаз промелькнула нежность. Стоило ему только услышать голос девушки чуть раньше, как он уже понял, кем она была. Цзэн Ин, с духовным именем Юаньянь, приходилась единственной дочерью старейшине Цзинмину, одному из пяти великих старейшин Секты Тяньлин. Потеряв мать в раннем детстве, она выросла в стенах секты. Из-за того, что окружающие во всем потакали ей ради старейшины Цзинмина, ее характер стал своенравным и капризным. Хотя она была дочерью Цзинмина, по традициям Секты Тяньлин ей не присвоили сразу поколение с иероглифом Чэнь, и она вместе с главным героем поступила в ученики к Цин Яну, личному ученику главы секты. В тот год, когда главный герой попал в секту — в нынешнем году — Цзэн Ин исполнилось всего тринадцать лет, в то время как главному герою было четырнадцать, и именно она стала первой наложницей в гареме главного героя.

Поистине, пути людей неисповедимы. Глядя на ее все еще по-детски незрелое лицо, Ши Цянь мысленно вздохнул. Он помнил, что эта девчонка присутствовала и тогда, когда он угодил в ловушку истребления демонов. В те времена Цзэн Ин уже превратилась в ослепительно прекрасную женщину, а ее надменный нрав сделался еще невыносимее, чем сейчас. Подобная женщина по силам разве что какому-нибудь сладострастному главному герою, молча подумал

про себя Ши Цянь, и улыбка на его лице стала еще теплее.

Улыбающийся юноша словно излучал сияние; его белые одежды придавали ему отрешенный от суеты мирской вид, отчего казалось, что он невольно приковывает к себе все взгляды. Щеки Цзэн Ин слегка покраснели, но, заметив, что Ши Цянь не собирается высказывать ей почтительности, как это делали остальные, в ее глазах мелькнуло раздражение, и она наигранно рассердилась: — Ты ученик чьей вершины? Почему ты не в доспехах ордена?— Этот парень с первого взгляда похож на деревенщину, младшая сестра, зачем ты обращаешь на него внимание? Лучше давай поскорее отправимся к главе. Ши Цянь понял, что Цзэн Ин приняла его за ученика внутреннего круга. Он только хотел что-то ответить, как его прервал голос, раздавшийся со стороны.

Это был юноша в одеянии ученика внутреннего круга, на вид лет восемнадцати-девятнадцати. Вполне симпатичный, но это не могло скрыть нагловатого выражения его лица. Хотя слова его звучали высокомерно, в глазах, устремленных на Ши Цяня, читалась жгучая зависть: с какой стати этот парень, едва появившись, привлек внимание младшей сестры, в то время как он сам, повсюду следуя за ней, так и не удостоился её расположения? Подумаешь, смазливая мордашка!

Этого юношу звали Юань Хао, он был учеником внутреннего круга и давним прихвостнем Цзэн Ин. Типичный подхалим, готовый пресмыкаться перед сильными и топтать слабых, однако к самой Цзэн Ин он был привязан искренне. В будущем, во время одной из вылазок, он поплатился жизнью, приняв на себя удар адепта Пути Демонов, защищая Цзэн Ин, и сгинул окончательно, даже души его не осталось.

Ши Цянь, разумеется, заметил отношение Юань Хао. В его глазах промелькнул холод. Его мало волновало, наступит ли бесславный конец этого парня раньше или позже, но если тот продолжит так себя вести, Ши Цянь не прочь был ускорить его избавление от страданий.

Юань Хао, который все это время свысока смотрел на юношу в белом, казавшегося ему легкой добычей, мгновенно уловил убийственное намерение в глазах Ши Цяня. Леденящий ужас поднялся из самой глубины его души, заставив конечности оцепенеть. Это было так страшно, что на мгновение ему показалось, будто он сейчас умрет. Наконец, придя в себя и побледнев, он открыл рот, чтобы что-то сказать, но внезапно осекся. Теплая улыбка на лице юноши в белом ничуть не изменилась, но Юань Хао интуитивно почувствовал: скажи он еще хоть слово, финал будет совсем не таким, как ему хотелось бы.

Юань Хао, который лишь недавно достиг стадии Закладывания Основы, естественно, не мог определить уровень культивации Ши Цяня. И хотя он был напуган до смерти, он все же по привычке заслонил собой Цзэн Ин. Хоть младшая сестра и выросла в Секте Тяньлин, ей еще не исполнилось четырнадцати, и она не начала свой путь культивации, поэтому он должен был её защищать.

Увидев, что Юань Хао послушно прикусил язык, Ши Цянь, решив, что хотя поведение того и неприятно, но смелости ему не занимать, довольно отвел взгляд.

Однако кое-кого это не устроило. Цзэн Ин, полностью проигнорировав добрые намерения Юань Хао, оттолкнула его рукой и гневно сверкнула глазами:

— С каких это пор мне нужно твое разрешение, чтобы что-то делать?

Цзэн Ин уже давно была недовольна этим парнем, который вечно путался у неё под ногами.

— Я... — Юань Хао, которого внезапно оттолкнули, неуклюже пошатнулся, пытаясь удержать равновесие. Он растерянно открыл рот, от его бывшего высокомерия не осталось и следа. Посмотрев на рассерженную младшую сестру, а затем на Ши Цяня, который выглядел еще более кротким и безобидным, он не смог скрыть паники. Не мог же он сказать, что пытался защитить её?

— Уйди с глаз моих! Я сама найду мастера-основателя, главу секты!

<http://bllate.org/book/21128/2143778>